

УДК 355.01

DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-4-0-8

Шаповалова И. С.¹

Генкин (Филонова) Ю. Ю.²

Онлайн перспектива в образовательных траекториях молодежи

¹Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Россия
E-mail: shapovalova@bsu.edu.ru
ORCID ID: 0000-0002-2855-8968

²Государственный Морской Университет имени адмирала Ф.Ф. Ушакова, пр-т Ленина, г. Новороссийск, 93353918, Россия
E-mail: yuliana1970@yahoo.com
ORCID ID: 0000-0003-1762-4277

Статья поступила 28 сентября 2019 г.; Принята 8 декабря

Опубликована 30 декабря

Аннотация. В статье изложены результаты российских исследований, посвященных образовательным траекториям молодежи с учетом современных тенденций. Приведены результаты двух массовых опросов молодежи, связанные с оценкой образовательных стратегий и включенности в онлайн-образование. В качестве научного итога в статье приведены основные социализационные результаты образовательных установок молодежи: ориентация на образование в течении всей жизни, потребность в самообразовании, установка на получении второго образования. Обозначены основные риски, которые сопровождают выявленные результаты и выбранные молодежью образовательные траектории: риск ошибочной профессиональной самоидентификации, риск получение неглубоких знаний и ориентация на поверхностные образовательные продукты. Выявлены акценты в отношении новых образовательных форматов – онлайн-образования в дистанционной форме. В итоге исследования определено проблемное поле управления перспективой образовательного выбора молодежи, в периметре которого находятся проблемы, связанные с удовлетворением потребностей в самообразовании молодежи, снижение уровня и глубины получаемых и сохраняемых молодежью знаний, проблема «внешней памяти», связанная с обилием гаджетов и устройств, воспроизводящих информацию и многое другое. Обозначены риски неуправляемого включения молодежи в онлайн-образовательные альтернативы, связанные с трансформацией структуры человеческого капитала, развития негативных генерационных черт, перспективой образовательного института.

Ключевые слова: молодежь; социальные стратегии; жизненный выбор; образование; образовательные стратегии; онлайн-образование; самообразование

Acknowledgments. Российский фонд фундаментальных исследований, проект № 18-411-310009 «Оценка социализационных траекторий молодежи региона России в рискологической парадигме».

Информация для цитирования: Шаповалова И. С., Генкин (Филонова) Ю. Ю. *Онлайн перспектива в образовательных траекториях молодежи // Научный ре-*

зультат. Социология и управление. 2019. Т. 5, N 4. С. 91-102. DOI:
10.18413/2408-9338-2019-5-4-0-8

Inna S. Shapovalova¹

Yuliana Y. Genkin (Filonova)²

Online perspective in educational trajectories of Youth

¹Belgorod State National Research University,
Pobedy, 85, Belgorod, 308015, Russia
E-mail: shapovalova@bsu.edu.ru
ORCID ID: 0000-0002-2855-8968

²Admiral F.F. Ushakov State Maritime University,
Prospect Lenina, 93, Novorossiysk, 353918, Russia
E-mail: yuliana1970@yahoo.com
ORCID ID: 0000-0003-1762-4277

Received on September 28, 2019; Accepted December 8, 2019

Published December 30, 2019

Annotation. The article presents the results of Russian studies on the educational trajectories of youth, taking into account the frustrated trends. The results of two mass youth surveys related to the assessment of educational strategies and inclusion in online education are presented. As a scientific result, the article presents the main socialization results of educational attitudes of young people: orientation to education throughout life, the need for self-education, attitude towards obtaining a second education. The main risks that accompany the identified results and the educational paths chosen by young people are identified: the risk of erroneous professional self-identification, the risk of acquiring shallow knowledge and orientation toward superficial educational products. Emphasis has been identified in relation to new educational formats - online education in distance form. As a result of the study, the problem field of managing the prospect of the educational choice of youth was identified, the perimeter of which contains problems related to meeting the needs for self-education of young people, reducing the level and depth of knowledge acquired and stored by youth, the problem of “external memory” associated with an abundance of gadgets and devices that reproduce information and more. The risks of uncontrolled inclusion of youth in online educational alternatives associated with the transformation of the structure of human capital, the development of negative generational traits, and the prospect of an educational institution are identified.

Keywords: youth; social strategies; life choices; education; educational strategies; self-education; online education.

Acknowledgments: The research was carried out with the support of the RFBR grant, project № 18-411-310009 "Evaluation of socializing trajectories of youth in the Russian region in the risky paradigm".

Information for citation: Shapovalova I. S., Genkin (Filonova) Y. Y. (2019), “Online perspective in educational trajectories of Youth”, *Research Result. Sociology and management*, 5(4), 91-102. DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-4-0-8

Введение (Introduction). Молодежь – особая социальная группа, имеющая высокую настоящую и перспективную значимость, скрывающая неясный потенциал, но несущая глобальную миссию формирования национального будущего. Раскрытие потенциала российской молодежи, реализуемого в последствии в качестве составной части человеческого капитала, является приоритетом в ряду стратегических ориентиров России. Выбор жизненных ориентиров и социальных стратегий молодыми людьми, во многом определяет будущее России. Предварительное изучение социальных стратегий молодых людей способствует повышению вероятности достижения стратегически важных показателей и управляемости регионального развития.

Вопрос человеческого капитала, как сложной, многокомпонентной и прогнозно-масштабной категории, связанной с развитием территории, является стратегическим исследовательским периметром, в виду необходимости обеспечения прорывных задач, стоящих перед российскими регионами. В этой связи, говоря о воспроизводстве человеческого капитала, мы неизменно обращаемся к включению, мотивации и результату, который дает молодежь в образовательном фарватере.

Выбор образовательных траекторий, набор и масштаб компетенций, их уровень, специфика и конфигурация образовательных мотивов и установок на самообразование – знание всех этих моментов дает возможность прогнозировать расширение и качественное наполнение, а также возможную капитализацию составляющих человеческого регионального ресурса.

Появление и экспансия онлайн-образования заставляет задуматься о влиянии эволюции образовательного института на все составляющие человеческого капитала – прогресс или регресс, технология или квазитехнология? – «вот в чем вопрос»!

Наше исследование в этой плоскости носит поисковой характер прикосновения

к проблеме и обозначения ее контура и является началом исследовательского цикла в области цифровизации регионального пространства.

Методология и методы (Methodology and methods). Молодежная культура, погруженная в общие и специфические риски, формирует сложный факторный фарватер, в рамках которого молодежи приходится принимать жизненно важные решения, вырабатывая свой путь социализации, что подчеркнуто во многих исследованиях российских авторов (Муздыбаев, 2004; Киреев, Красниковский, Сазонов и Сазонова, 2013). Изменения структуры основных социальных процессов и механизмов воздействия на молодежь основных социализационных институтов, приводит к непредсказуемому результату социализации, способному качественно изменить будущий менталитет россиянина. Такие изменения могут происходить по всем направлениям социализации, но в данной статье мы рассмотрим только одно – образовательные стратегии российской молодежи, уделив особое внимание подключению ее к новым образовательным форматам – онлайн-образованию.

Образование, как социализационный механизм для молодежи, становится предметом постоянного и активного изучения. Выбор образовательных траекторий, роль образования в самоопределении, самообразование как фактор личностного роста и фактор, определяющий личностные потенции и характеристики – эти, и другие вопросы находятся под постоянным вниманием исследователей. Среди прочих мы можем выделить работы Д. Л. Константиновского, по тематике которых мы видим динамику интереса академических институтов к проблеме образования молодежи (Константиновский, 1997, 2008, 2014, 2015), так, например, еще в 1997 году в работах ученого была поставлена проблема неравенства в образовании молодежи – вопрос, так актуальный в западных странах и только начинающий вызывать интерес сегодня (Варшавская, 2015).

Помимо специфики предметных областей образования, которые являются предметом междисциплинарных исследований, включающих, как правило, педагогические изыскания, проблема образования молодежи изучается с позиции разных научных ракурсов: образование рассматривается как ценность в общей ценностной системе молодых людей (Зырянов и Горелова, 2015), но есть и обратная связь, которая интересует исследователей – какую ценностную систему формирует образование (Моторная, 2015; Кононова, 2009). Отдельное внимание ученые уделяют изучению различных этапов образования, как правило останавливаясь на высшем и профессиональном образовании (Ткаченко, Смирнов и Бурмистрова, 2012), самообразовании, дополнительном образовании уже в период работы. Изучению связи образования и будущей профессии посвящены многие работы, позволяющие увидеть эту связь не только по отношению к общей молодой когорте (Константиновский, 2014), но и относительно региональной молодежи (Костюк, Траскунова и Константиновский, 1980).

Исследование образовательных траекторий молодежи было представлено двумя этапами.

Исследуя риски в области социализационных стратегий молодежи, в 2018 году Международным центром социологических исследований Белгородского государственного национального исследовательского университета было впервые проведено глобальное исследование социальных стратегий молодежи. Были произведены замеры в области 11 стратегий: экономические, образовательные, миграционные, трудовые, общественные, духовно-нравственные, досуговые, политические, самосохранительные, семейные, коммуникативные. Объектом исследования выступила молодежь российской провинции (N=2 500), распределенная по полу, возрасту, территории проживания и трем основным квотам: учащаяся, студенческая и работающая молодежь.

Глобальной целью первого этапа было изучение социализационных траекторий молодежи и возможности влияния на них стороны региональных институтов в условиях рискогенности современной среды обитания. Подробнее о различных аспектах исследования можно узнать из научных публикаций И.С. Шаповаловой и А.В. Кисиленко (Шаповалова и Максименко, 2018; Шаповалова и Кисиленко, 2018; Кисиленко, 2018). Одним из предметов изучения стали образовательные стратегии молодежи, что позволило выделить одну из *важных задач исследования*: определение рисков существующих диспозиций образовательного выбора и предпочтений, социализационных результатов молодежи в периметре образовательных жизненных стратегий.

На втором этапе, с использованием метода социологической оптики (Шаповалова, 2014) был «приближен» аспект трансформации образовательных форм, изучена готовность к ним молодежи. Исследование было проведено посредством онлайн-опроса (N=3 188), выборка распределена была также по полу, возрасту, территории проживания и образовательной стадии.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Усиление внимания со стороны государства и его институтов к качеству образовательных продуктов, работа над стандартами и контролем их выполнения, а также все возрастающая конкуренция среди акторов, предоставляющих образовательные услуги, приводит нас к мысли о том, что необходимо более глубоко погрузиться в прогнозирование будущей ситуации, связанной с образовательным выбором и предпочтениями современной молодежи. Поиск наиболее востребованных образовательных форм может привести к перераспределению образовательного выбора. Но, при такой задаче, конечно, мало изучать предпочтения и образовательные стратегии молодежи – необходимо в-первую очередь понимать, а что собственно мы ждем от

молодого поколения в национальном масштабе? Ожидания нашего государства можно уложить в одно ёмкое слово – «развитие». Оно предполагает активное восприятие и эффективное усваивание и использование новой информации, наличие способности и мотивации к саморазвитию, возможность получения дополнительных компетенций на любом уровне своего социального становления и образование «длинною в жизнь».

С позиции развития, повышения собственных возможностей, а также использования возможностей сильнейшего института социализации, нас интересуют образовательные траектории молодых людей. В силу того, что в исследовании принимали участие школьники, обучающиеся сузов и студенты, закономерен результат, когда 81,8% находятся на стадии обучения.

На данный момент из всего массива 13,7% получают второе образование, 1,7% обучаются по программе повышения квалификации и примерно столько же занимаются самообразованием. Стоит сказать, что получение второго образования становится не просто тенденцией, обусловленной ошибкой выбора или жизненными обстоятельствами, но и собственно изначальной стратегической установкой нашей молодежи. Трудно сказать, больше здесь плюсов или минусов. Безусловно, положительно можно оценить само стремление и активность к его осуществлению. Отрицательным же моментом является длительное самопознание, неглубокое погружение в отрасль и в первом и во втором случае, приравнивание образования к «экспириенсу», количество которого может повысить стоимость специалиста.

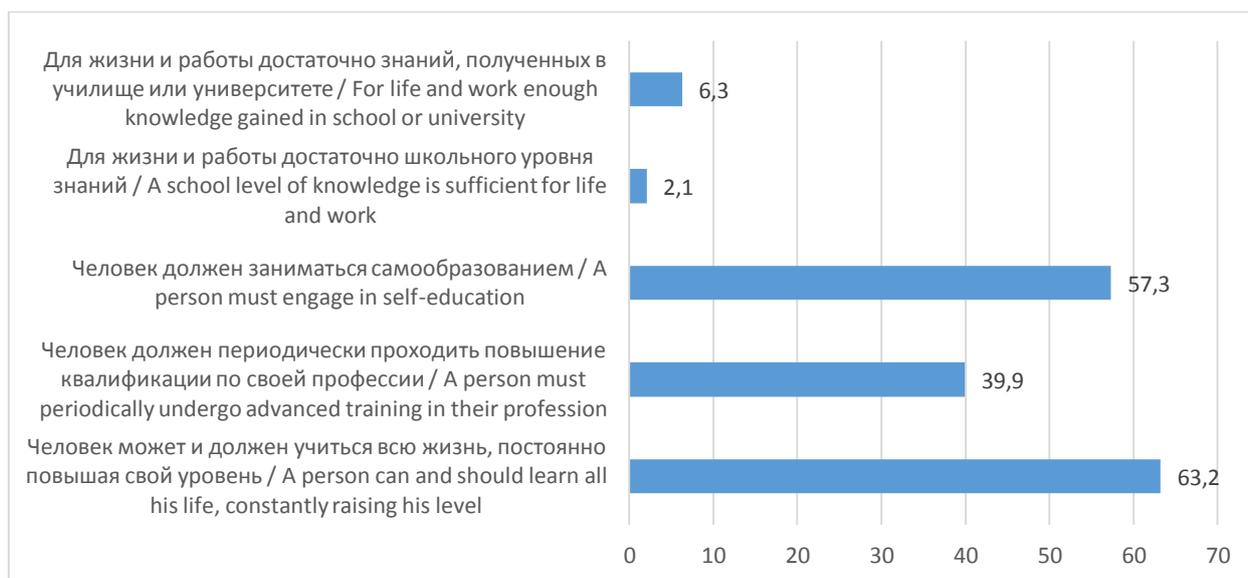

Рис. 1. Стратегический образовательный вектор современной молодежи
Fig. 1. Strategic educational vector of modern youth

Оценка диспозиций, полученных российской молодежью в итоге ее социализации показала, что большинство (63,2%) считают, что человек должен учиться на протяжении всей жизни (рис. 1). Периодическое повышение квалификации предполагают 39,9%. На данный момент мы можем говорить о двух социализационных результатах – интерес к образова-

нию и потенциал самообразования молодежи, который отмечают для себя 57,3%. Ограниченность в отношении образовательных траекторий демонстрируют только 8,4% опрошенных. Значимость качественного образования в достижении жизненного успеха признается подавляющим большинством молодежи (83,12%). Однако 31,73% из этого числа ставят качественное

образование в одном ряду с активностью самого человека. Достаточно тревожным признаком является то, что лишь половина (50,75%) молодых людей считает доступным получение качественного образования в их городе (районе) вне зависимости от финансовых возможностей. Еще 11,12% думают, что такие возможности есть, но лишь для финансово обеспеченных семей. Пятая часть опрошенных (19,29%) отрицает возможности получения качественного образования в месте своего проживания. Наиболее критично оценивают доступность качественного образования школьники средних и старших классов, а также работающая молодежь. Таким образом. Мы вплотную подходим к проблеме *территориального и экономического неравенства в возможности выбора образовательных траекторий* – в дальнейшем дан-

ная ситуация трансформируется в неравных профессиональных возможностях, порождая ригидность социальной трансформации, ограничение социальной мобильности, в ряде случаев и маргинализацию.

Рассматривая динамику жизненного выбора российской молодежи видим, что большая часть, предполагающих получить второе образование (а таковых на данный момент 52,6%) приходится на возраст 20-25 лет. К сожалению, такой факт раннего переобучения свидетельствует о том, что многие сделали или предполагают возможный ошибочный образовательно-профессиональный выбор, компенсировать который можно получив дополнительное образование в комплементарной, смежной или вообще иной области. Только 13,3% планируют это сделать, уже поработав в профессиональной сфере (см. табл.).

Таблица
Table

Ответы на вопрос «В каком возрасте Вы сделали, планируете (или не планируете), предпринять следующие шаги?»
Answers to the question “At what age did you make, plan (or do not plan), take the following steps?”

Варианты ответов/ Answer options	18-20	20-25	26-30	31-35	36-40	41-45	45-60	После 60 лет/ After 60 years	Не планирую/ I do not plan	Не знаю/ I do not know
Получить второе образование / Get a second education	5,6	30,1	13,3	2,5	0,6	-	-	0,5	6,3	13,1
Обучиться на курсах дополнительного образования / Take courses in continuing education	9,1	29,8	11,8	2,2	0,6	-	-	0,5	3,8	13,0
Повысить свою квалификацию по профессии / Improve your qualifications by profession	3,7	21,4	22,8	5,5	0,9	-	-	0,3	2,8	13,3
Заняться самообразованием / Self-education	24,2	22,1	8,8	2,9	1,0	0,5	-	0,3	1,4	10,6
Открыть собственные обучающие курсы / Open your own training	2,7	7,7	10,0	6,5	3,5	1,0	0,5	0,8	17,0	20,1

courses										
---------	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--

Обучаться на курсах дополнительного образования в разные периоды жизни предполагают 54,0% и опять – большинство приходится на 20-25 лет. Возможно, тем самым молодые люди стремятся восполнить недостатки образования сузов и вузов. А вот повышать свою квалификацию молодые люди предполагают не только вовремя и сразу после обучения (54,6%), но в развитии свое трудовой карьеры (26-30 лет, 22,8%).

Уже сейчас практически треть опрошенных активно занимаются самообразованием – вообще, начало этого действие относится у молодежи как раз на годы обучения, что вселяет надежду на приобретение не утрачиваемого навыка, который будет использован и в дальнейшем. Преподавательский потенциал дает возможность планировать открытие собственных обучающих курсов более трети опрошенным (32,7%). Исходя из полученной динамики, мы можем несколько подкорректировать социализационный результат – молодежь планирует активно обучаться и включаться в образовательные программы до 30 лет. Одновременно стоит отметить достаточно высокую оценку собственной компетентности, планирование приобретения уникальных компетенций, в получении которых будут заинтересованы будущие «ученики и последователи» молодых людей.

Получив представление об общем образовательном векторе современной молодежи, перейдем к обозначению координат развития современных тенденций – как относится молодежь к новой траектории – онлайн-образования. Появляется ли культура цифрового образования, есть предпосылки, что будет осуществлена действительно качественная эволюция образовательных форм?

Какова же рекогносцировка ситуации на данный момент? Она весьма перспективна с точки зрения успешности экспансии новых форм – треть респондентов уже

проходила онлайн-обучение (33%), 47% знают о таком формате, но сами не принимали в нем участия. В меньшинстве остаются те, кто имеет слабое представление о новых форматах, как правило, это сельская молодежь – риск усугубления ситуации «образовательного неравенства» по нашему предположению всегда катализируется его эволюцией, что и подтвердило наше исследование.

Насколько же поддерживается новая образовательная форма молодежью? 39,7% считают, что онлайн-образование вполне может стать альтернативой традиционным формам, но в отрицательной перспективе уверен группа сопоставимая по размеру – 31,8%. Сопряжение с участием в онлайн образовании показывает, что в первой группе находятся преимущественно те, кто пробовал участвовать в онлайн-курсах, во второй – кто не принимал участие и имеет небольшое представление о таком формате.

В оценке удобства онлайн-формата молодежь разделилась практически поровну, с небольшим перевесом в сторону положительной оценки – 51,4% обозначили, что такой формат образования им удобен и 48,4% – что, скорее нет. Для определения перспектив и готовности молодежи поддержать онлайн-образование, мы задали вопрос с расширенной перспективой «Если онлайн-образование будет развиваться стремительными темпами, как вы к этому относитесь?». Распределение мнений показывает, по сути, разделение оппонентов на два противоположных лагеря: однозначно положительную перспективу видят здесь для себя 41,1%; неуверенную, осторожную или негативную позицию занимают порядка 48% (рис. 2). Так, 38,5% будут ориентироваться на референтное мнение в ограниченном использовании онлайн образования, 16,1% будут по возможности избегать включения в новый формат, а 3,6% станут на активную позицию отторжения онлайн перспективы.

Нельзя сказать, что мы получили ответ на свой вопрос – будет ли однозначно востребовано онлайн образование современной молодежью. Это привело нас к необходимости определить зону опасения по отношению к новым формам – мы выложили «мифологическое поле» – наиболее популярные мнения, суждения об онлайн-образовании, в которых заключены страхи, риски, ожидания и надежды, свя-

занные с новым форматом. Молодые участники нашего исследования оценили высказывания с позиции согласия с ними – обозначив оценку «правда» или «миф». Был предложен и нейтральный вариант, для затруднившихся с ответом. Две амбивалентные позиции построили для на следующую картину восприятия эволюции образовательных форм среди молодежи (рис. 3).

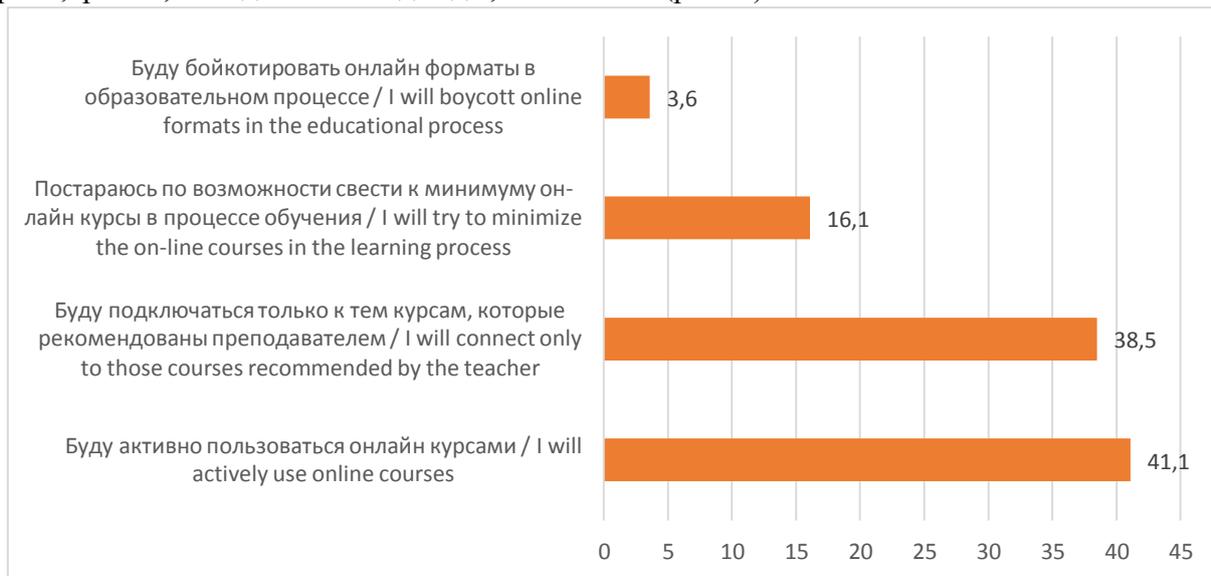

Рис. 2. Перспективная позиция молодежи по отношению к использованию онлайн-ресурсов в образовании

Fig. 2. The perspective position of youth in relation to the use of online resources in education

В своей оценке студенты определили три утверждения, с которыми они в большинстве своем согласны – это удобство онлайн-образования с позиции графика, условий, набора программ (68,13%); их эффективность, благодаря использованию удобных инструментов управления и оценки (59,91%), идентичность с дистанционными формами образования (59,44%) – данная оценка не понятна по своей эмоциональной окрашенности, дистанционная форма может быть как положительной оценкой возможности удаленного доступа, так и пренебрежением по отношению к уровню, «новизны» предлагаемого формата.

Достаточно референтным стоит считать мнения, сложившиеся практически в идентичных по своему размеру группах, но выражающих различных оценочных знак. Так, 45,82% высказались как за то, что новый формат дает возможность сле-

дить за успехами каждого выпускника, так и за то, что включение в онлайн-курсы не позволяет контролировать качество знаний и квалификацию специалистов, читающих онлайн-курсы. По сути, противопоставленные мнения, выводят нас на понимание фактического зеркального разделения целевого массива.

Обозначилось и достаточно высоко разделяемое «мифологическое поле» онлайн-образования, которое позволило понять – молодежь стоит скорее на векторе положительной оценки онлайн-возможностей системы образования. Иллюзорными молодые люди считают мнения о неэффективности и низком качестве онлайн-курсов, дороговизне и отсутствия контроля и обратной связи, а также, негативному влиянию на престиж профессии учителя. Разделяемость этих мнений составила более 40% от общего массива.

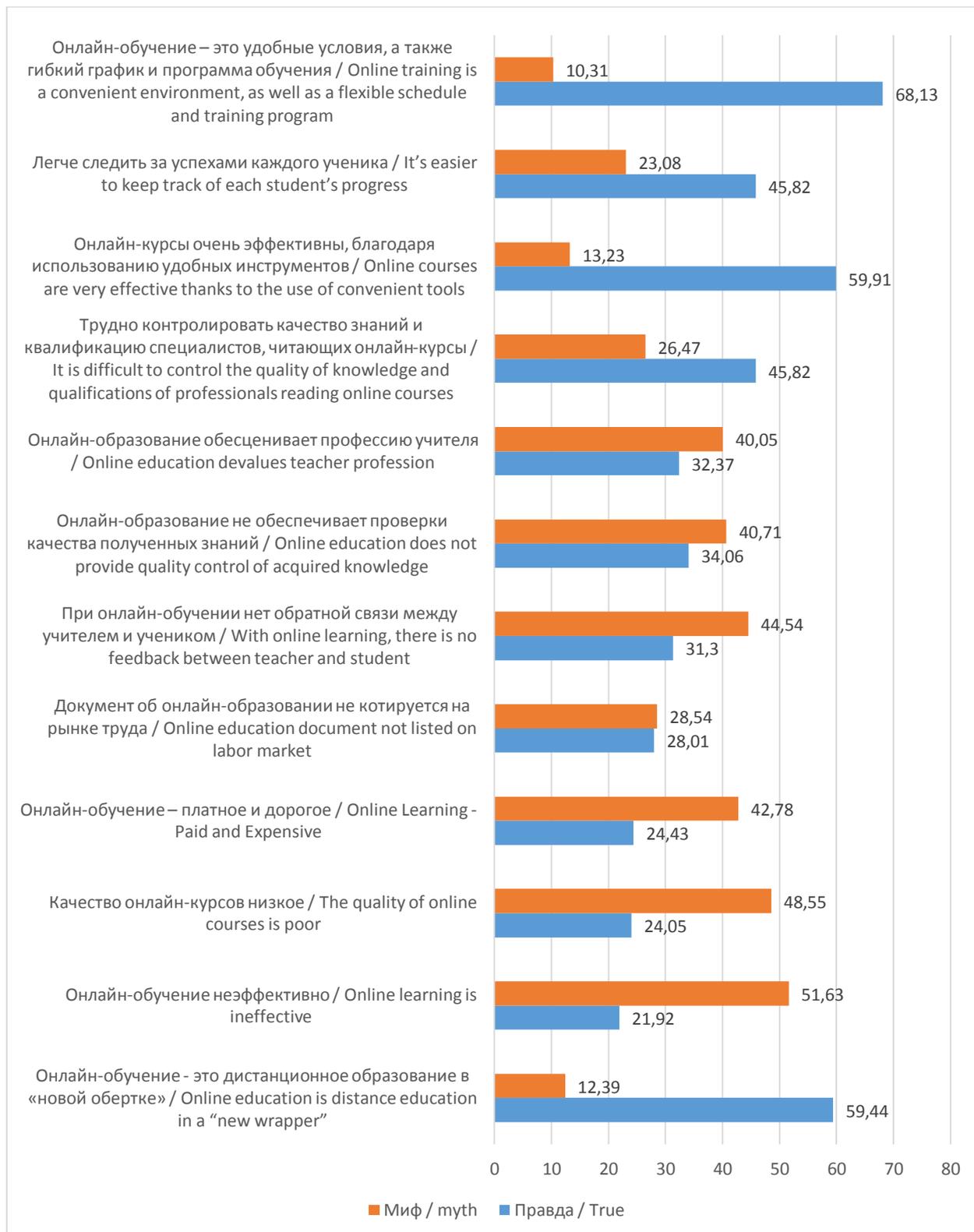

Рис. 3. Перспективная позиция молодежи по отношению к использованию онлайн-ресурсов в образовании
Fig. 3. The perspective position of youth in relation to the use of online resources in education

Заключение (Conclusions). Говоря о результатах проведенного исследования, мы отмечаем, в первую очередь, те социализационные результаты, которые получены для молодежи 1997-2003 года рождения. Это: а) *ориентация на два и более образовательных вектора*, б) *стремление к самообразованию*; в) *наличие установки на пролонгированное обучение*. По каждому из полученных результатов могут быть сделаны соответствующие выводы, необходимые для управления образовательными траекториями молодых людей. Оценивая существующую палитру образовательных форм, включение России в гонку за онлайн-образованием, можно сказать, что существующие устремления молодежи имеют благоприятную почву. Это касается и установок на постоянное обучение. Конечно, такая установка, как правило высказывается молодежью, но при операционализации конкретных сроков, как показали наши опросы, дает конкретные ограничения – а именно, 30 лет. И вот здесь стоит говорить о существующем противоречии – современные вузы России напротив, реализуют проекты серебряного университета, образовательного сопровождения профессиональных профилей, обучение узким компетенциям. Между тем, именно молодые люди до 30 лет остаются в некотором образовательном дефиците.

Осознание образовательными институтами существующих интересов и потребностей молодежи приводит не только к росту количества, но и к снижению качества образовательных продуктов. Ориентируясь на третий социализационный результат (потребность в самообразовании), мы понимаем – он будет идти параллельно с ростом онлайн образовательных платформ и продуктов – именно при их помощи будет удовлетворять молодежь свои образовательные потребности. Клиповость и поверхностная презентационность эти форматов будет только усугублять соответствующие риски и специфику молодежного мышления поколения Z (клиповое мышление, внешняя память, гаджет-

зависимость). В связи с этим мы можем получить некоторую отрицательную иллюзию – молодые люди будут считать, что реализуют свои потребности в самообразовании, ориентируясь на неглубокую и поверхностную информацию. Что делать в данной ситуации? Необходимы стандарты и ориентиры для образовательных продуктов, разграничение деятельности серьезных платформ и ресурсов от продуктов «быстрого реагирования». Поощрение молодежи к образованию и самообразованию – обязательно, но введение официальных ассесмент-процедур даст возможность молодым людям получить реальную оценку полученного результата, определить для себя ограничительные характеристики недоброкачественных образовательных продуктов.

Как развить, так и усугубить ситуацию может экспансия онлайн образовательных форм на рынке образовательных услуг. Мы видим, что «величина» подключения и поддержки нового формата среди молодежи близится к 50%. При этом, в сторону «мифологии» отошла критическая оценка восприятия системного изменения. Мы не можем не понимать – российская система стоит на принципах «копирования опыта», «догнать любой ценой», «партия сказала, комсомол ответил «есть»». Такая «принципиальная» диспозиция трансформирует «благие намерения» в «дорогу в ад» – мы предполагаем насыщение рынка образовательных услуг некачественными онлайн-продуктами, применение квазитехнологий в масштабирование и легализации формата онлайн-образования. Некритичность восприятия и насаждение необходимости со стороны управляющих систем, исключает возникновение естественных фильтров у молодежи, особенно в условиях глобализации, ускорения жизненных ритмов, тотальной экономии и дефицита ресурсов.

Что ожидать? Молодежь не может, как бы нам не хотелось выйти на уровень саморегуляции в вопросе построения эффективной образовательной траектории с

учетом обозначенных рисков и инновационных «соблазнов», так удачно «попадающих» и усугубляющих ее специфические черты (клиповость и фрагментарность мышления, кибер-зависимость, поверхностность, множественность ролей, внешнюю и кейсовую память). В связи с этим, мы можем получить деформацию человеческого капитала, нарушение цикла воспроизводства науки. Что возможно предпринять? Прежде всего, продумать системы контроля и регулирования включения на комплексной основе (с классическими формами), в качестве добавочного, расширяющего (а не заменяющего) компонента онлайн-форматов. Возможно, следует предложить модель эффективной образовательной траектории с местами модульного расширения, позволяющую сохранить те национальные достижения института образования, которые были наработаны за долгую историю его развития.

Список литературы

Блинова Т. В., Вьялшина А. А., Молодежь вне сферы образования и занятости: оценка сельско-городских различий. // Социологические исследования. 2016. № 9. С. 40-49.

Кисиленко А. В., Волонтерство: потенциал самоорганизации российской молодежи. // Научный результат. Социология и управление. 2018. № 4(1). С. 63-71.

Киреев Е. Ю., Красниковский В. Я., Сазонов А. А., Сазонова А. Л. Молодежь Москвы: ценностные приоритеты, стратегии поведения и перспективы развития. М.: Издательский Дом «Наука», 2013. 286 с.

Кононова Т. М. Формирование ценностных ориентаций молодежи на этапе высшего образования. // Академический вестник. 2009. № 3. С. 46-50.

Константиновский Д. Л. Молодежь в системе образования: динамика неравенства. // Социологический журнал. 1997. № 3. С. 92-123.

Константиновский Д. Л., Вознесенская Е. Д., Чередниченко Г. А. Интернационализация образования и российская молодежь: открытия, обретения, результативность. // Информационно-аналитический бюллетень Института социологии Российской академии

наук. 2008. № 4. С. 4-80.

Константиновский Д. Л. Российская молодежь: образование и занятость. // Россия и Китай: Молодежь XXI века. М., 2014. С. 283-307.

Константиновский Д. Л., Попова Е. С. Молодежь, рынок труда и экспансия высшего образования. // Социологические исследования. 2015. № 11. С. 37-48.

Костюк В. Г., Траскунова М. М., Константиновский Д. Л. Молодежь Сибири: образование и выбор профессии. Новосибирск: Наука, 1980. 192 с.

Максименко А. А., Шаповалова И. С. Молодежь и российская армия: будет ли положительный вектор во взаимодействии? // Научный результат. Социология и управление. 2018. Том 4. № 2, С. 70-87.

Моторная С. Е. Проблема осуществления жизненной цели и формирование ценностной шкалы современной молодежи в процессе образования. // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2015. № 1. С. 141-145.

Муздыбаев К. Жизненные стратегии современной молодежи: межпоколенческий анализ. // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Том 7. № 1. С. 175-189.

Шаповалова И. С., Кисиленко А. В. Духовно-нравственные выборы в жизненных стратегиях молодежи: опыт социологического исследования. // Среднерусский вестник общественных наук. 2018. Том 13. № 6, С. 14-28.

Шаповалова И. С. Социологические маркеры в исследовании социокультурных феноменов // мат. IV Международной научной конференции «Социология религии в обществе Позднего Модерна», Белгород, 12.09.2014. Белгород: ИД «Белгород», 2014. С. 113-121.

Ткаченко Е. В., Смирнов И. П., Бурмистрова А. С. Профессиональное образование и молодежь России. М: НИИРПО, 2012. 212 с.

Варшавская Е. Я. Молодежь, исключенная из сферы занятости и образования, в странах ЕС и России. // Вопросы статистики. 2015. № 4, С. 40-46.

Зырянов С. Г., Горелова Г. Г. Место образования в системе ценностей студенческой молодежи. // Социум и власть. 2015. № 4. С. 7-14.

References

Blinova, T. V. and Vyalshina, A. A. (2016), "Youth outside of education and employment: an

assessment of rural-urban differences”, *Sociological research*, (9), 40-49. (In Russian).

Kisilenko, A. V. (2018), “Volunteering: the potential for self-organization of Russian youth”, *Research result. Sociology and management*, 4 (1), 63-71. (In Russian).

Kireev, E. Yu., Krasnikovskiy, V. Ya., Sazonov, A. A. and Sazonova A. L. (2013), *Youth of Moscow: value priorities, behavioral strategies and development prospects*, Izdatel'skiy Dom «Nauka», Moscow, Russia. (In Russian).

Kononova, T. M. (2009), “The formation of value orientations of youth at the stage of higher education”, *Academic Bulletin*, (3), 46-50. (In Russian).

Konstantinovskiy, D. L. (1997), “Youth in the education system: the dynamics of inequality”, *Sociological Journal*, (3), 92-123. (In Russian).

Konstantinovskiy, D. L., Voznesenskaya, E. D. and Cherednichenko, G. A. (2008), “Internationalization of Education and Russian Youth: Discoveries, Findings, Effectiveness”, *Information and analytical bulletin of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences*, (4), 4-80. (In Russian).

Konstantinovskiy, D. L. (2014), “Russian youth: education and employment”, *Russia and China: Youth of the 21st Century*, Moscow, Russia, 283-307. (In Russian).

Konstantinovskiy, D. L. and Popova, E. S. (2015), “Youth, the labor market, and the expansion of higher education”, *Sociological research*, (11), 37-48. (In Russian).

Kostyuk, V. G., Traskunova, M. M. and Konstantinovskiy, D. L. (1980), *Siberian youth: education and choice of profession*, Science, Novosibirsk, Russia. (In Russian).

Maksimenko, A. A. and Shapovalova, I. S. (2018), “Youth and the Russian army: will there be a positive vector in interaction?”, *Research result. Sociology and management*, 4 (2), 70-87. (In Russian).

Motornaya, S. E. (2015), “The problem of implementing a life goal and the formation of the value scale of modern youth in the educational process”, *International Journal of Applied and Basic Research*, (1), 141-145. (In Russian).

Muzdybaev, K. (2004), “Life strategies of modern youth: intergenerational analysis”, *Journal of Sociology and Social Anthropology*, 7 (1), 175-189. (In Russian).

Shapovalova, I. S. and Kisilenko, A. V. (2018), “Spiritual and moral choices in the life strategies of youth: the experience of sociological research”, *Central Russian Bulletin of Social Sciences*, 13 (6), 14-28. (In Russian).

Shapovalova, I. S. (2014), “Sociological markers in the study of sociocultural phenomena”, *IV International Scientific Conference "Sociology of Religion in the Society of Late Modern"*, Publishing House "Belgorod", Belgorod, Russia, 113-121. (In Russian).

Tkachenko, E. V., Smirnov, I. P. and Burmistrova, A. S. (2012), *Vocational education and youth of Russia*, NIIRPO, Moscow, Russia. (In Russian).

Varshavskaya, E. Ya. (2015), “Youth excluded from employment and education in the EU and Russia”, *Statistics issues*, (4), 40-46. (In Russian).

Zyryanov, S. G. and Gorelova, G. G. (2015), “The place of education in the system of values of student youth”, *Society and power*, (4), 7-14. (In Russian).

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: The authors have no conflict of interest to declare.

Шаповалова Инна Сергеевна, доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социологии и работы с молодежью Белгородского государственного национального исследовательского университета.

Генкин (Филонова) Юлиана Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры Иностранных языков Государственного Морского Университета имени адмирала Ф.Ф. Ушакова.

Inna Shapovalova, doctor of sociology, professor, head of the department of sociology and work with youth of Belgorod State National Research University.

Yuliana Y. Genkin (Filonova), Candidate of Philology, Associate professor Foreign Languages Department, Admiral F.F. Ushakov State Maritime University.